

Имя в литературе

Душа обетованная

Однажды в разговоре с другом-поэтом Константин Батюшков заметил: «Что писать мне и что говорить о стихах моих!.. Я похож на человека, который не дошёл до цели своей, а нёс он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нём было!» Под этими словами классика, думается мне, вполне могли бы подписаться многие – из первых! – собратья по ремеслу. И Володя Чурилин не исключение. Уже хотя бы потому, что жизненная и литературная судьба его была поистине трагична...

Умный и обаятельный человек, которого по-настоящему любили родные, ценили друзья и обожали женщины, он до конца дней своих был как-то странно одинок. И мучался этим отчуждением, и, как мог, избывал своё внутреннее одиночество, бесконечное чувство разлада между действительным и желаемым. Избывал в стихах: «Я сердце развернул мишенью, // Я душу начисто спалил, // Приемля все вокруг лишения, // Два мира на

плечи взвалил». Те, кто хорошо знал Володю, вряд ли станут оспаривать то, что «два мира» в этом стихотворении – не просто удачно найденная метафора. В самом авторе удивительным образом сосуществовали две ипостаси, а вернее – два противоположных человека. Первый «светлый», второй «тёмный». Один – творец, другой – разрушитель. И он сам осознавал это двуединство, когда писал: «Как неведомый зверь из пучины, // Я возник порождением зла. // Видно, вескими были причины, // Видно, тёмными были дела, // Что стою, прислонившись к ограде, // По-щенячьи неслышно скуля, // Не чего-то разумного ради, // А чего-то неясного «для».

Талантливый и незаурядный поэт, он чуть ли не сознательно стремился к некоей «незавершённости» своих трудов. Ибо поэтический рост, рост духовный требует непрерывного самообновления жизни, переоткрытия мира, которые для литератора почти невозможны без такой «малости», как издание книги. Поскольку неизданные стихи снова и снова притягивают к себе внимание автора, требуют – иногда вовсе не улучшающей – их доработки. В конце концов, просто мешают жить, если не сводят с ума. Впрочем, теперь мне всё больше думается, что эта «незавершённость» была

не только глубинным свойством его натуры, но и своеобразным творческим методом, который помогает привести к необходимому единству язык поэта и его самосознание, помогает отыскать в хаосе речи тот наиважнейший словесный нюанс, что определяет жизнь и смерть стихотворения.

«На самом краешке земного, // У самой бездны на краю // Ищу единственное слово, // Взамен – два мира отдаю.» Только так и может существовать человек, испытывающий всепоглощающую потребность в том, в чём нет, казалось бы, ни малейшей практической пользы, человек, который способен управлять своей мыслью – одним лишь словом – там, где других эта мысль только пьянит и ослепляет. Такова суть поэзии. И, наверное, потому она – главное из всех занятий человека, первейший смысл его души...

«Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нём было!» Конечно, не узнаешь. Как и не увидишь радости за воплощение замыслов. И всё-таки. Остаётся главное. Остаются – стихи. И ещё – вера, что несмотря ни на что Володя был счастлив. Счастлив уже тем, что жил, что имел поистине бессмертную душу. Душу, обетованную чему-то высшему.

✍ Александр Ерофеев

Справка «ММ»

Владимир Чурилин родился 10 февраля 1955 года в деревне Цыганка Курской области. В 1957 году семья переехала в Магнитогорск. После окончания средней школы служил в морской пехоте на Дальнем Востоке, затем учился в Магнитогорском горно-металлургическом институте – ныне технический университет. В апреле 1971-го состоялась первая публикация в газете «Магнитогорский рабочий». Владимир учился заочно в Литературном институте имени А. М. Горького, был активным участником городского литобъединения. По своей поэтической сути он был глубоко лирическим поэтом, близким по духу Павлу Васильеву. Своими литературными наставниками считал Бориса Ручёва и Нину Кондратковскую.

Заведующая сектором литературного краеведения Маргарита Шевченко писала: «Вспоминается встреча Чурилина с читателями библиотеки. Вошёл юноша со спокойным, отрешённым от внешней суеты взглядом и начал читать стихи. Они были полны тихого лиризма. Затаив дыхание, впитывали мы строки его поэзии: то нежные, то полные горечи, то динамичные и взрывные. «Поэзия полюсов высокого духовного напряжения», – такое впечатление произвела на слушателей эта встреча».

Поэт скончался в Магнитогорске после тяжёлой и продолжительной болезни 6 апреля 2003 года. Через два года состоялся выход из печати сразу двух книг поэта.

Стихи

✍ Владимир Чурилин

«По числу мною прожитых дней...»

Всё также измученно,
Как впервые,
Из древности до нынешнего дня
По улицам идут мастеровые,
Державное величие храня...
Задумался ли ты хоть
на мгновенье
О людях,
В вечном шелесте знамён
Проживших жизнь
во имя поколенья,
Родившего лишь несколько имён?
Они тебе
И доменку задуют,
И вырастят богатые хлеба.
А сами ни на что
не претендуют –
Такая их высокая судьба.
Они тебя одели и обули,
Тоску твою развеяли, как дым.
А кто из нас не сиживал на стуле,
Сработанном
простым мастеровым?
И если ты порой
живёшь беспечно,
Спокоен и почти незаметен,
И если ты надеешься
на вечность –
То только потому,
Что нужен им.
Они уйдут безвестными –
Герои,
Возведшие тебя на пьедестал...
Но век наш ничегошеньки б
не стоил,
Когда бы не из них произрастал.

Руки

Мужичонка худой и горбатый...
Я следил с незапамятных пор,
Как вышагивал он виновато
Через наш нескончаемый двор.
Как стелились
над улицей душной,
Повторяя прерывистый шаг,
Кулаков перезрелые груши
На оттянутых ими руках.
Шел походкой,
Такою неверной,
До того безответен и тих,
Словно весь,
До последнего нерва,
Уместился в ручищах своих.

Средоточие сути и плоти,
Переросшие всё естество –
Золотыми звались на работе
Заскорузлые руки его...
Неприметный,
Больной,
Никудышный,
Он из жизни так тихо ушёл,
Словно крадучись из дому вышел,
Убедённый,
что жить – хорошо!
Он глаза не зажмурил от муки,
Но на грудь,
Тяжелы и грубы,
Опустились огромные руки,
Как родимые пятна судьбы.

Мне дано назначение – жить.
Моя совесть не знает покоя,
Мне дано назначенье такое,
О котором нельзя позабыть.

Мне дано назначение – петь.
И душа полыхает и стонет.
Где мои долгожданные кони,
На которых я должен взлететь?

Мне дано назначение – страдать.
И колотится сердце упряго.
Где найти того самого друга,
Всё которому можно отдать?

Мне дано назначенье – любить.
А на сердце моём неспокойно,
Потому что живут ещё войны,
И любовь мою можно убить...

Мне дано назначений от века –
По числу мною прожитых дней.
Только всех предписаний важнее
Назначение быть человеком.

Клесты

В январскую лютъ
у клестов появляется выводок,
Не птицы причуда –
причуда природы самой.
И в этом есть мудрая,
чисто житейская выгода:
Хороший хозяин
телегу готовит зимой.
В то время, как птицы другие
на юг улетели,

На сытых кормах почивают
у южных морей,
В насиженных гнёздах
в вершинах заснеженных елей
Мужают птенцы
под надзором клестих-матерей.

Мужают птенцы,
безбоязненно вьюгу встречая,
На тоненьких лапках
навстречу бурану встают,
Суровую жизнь
до конца на себе изучают,
Чтоб выжить и жить,
невзирая на скудный уют.

Наступит весна,
а они уже зиму прожили,
Что ливни, что град им,
когда они видели лед?
В их маленьких тельцах
стальные клубки сухожилий
Готовы исполнить любой
тяжелейший полёт.

В январскую лютъ
у клестов появляется выводок,
В апреле птенцы
возмужало выходят из гнёзд.
А вдруг среди прочих
внезапно окажется выродок,
Не хуже других
перенёсший пургу и мороз?

Не хилый заморыш,
которого ткни – и загнулся,
А сильная птица,
в которой страстей на двоих,
Какая гордится уверенно
бьющимся пульсом,
Хватая за горло
собратьев и братьев своих...

Природа мудра,
но нужна ли тут мудрость?
Не поздно ль?
А тень от крыла
над вселенной зловеще кружит.
Клестята уже покидают
уютные гнезда
И в белое небо
привычно кладут виражи.
Они вылетают...
Но есть на земле
справедливость.

Природа мудра,
и не надо природу учить.
Их крепкие клювы
ещё достаточно кривы,
И шишек сосновых
они не умеют лущить.

Умеют летать,
но ещё не умеют кормиться,
И всё-таки, жизнь
на мгновение раньше открыв,
Из маленьких гнёзд
вылетают могучие птицы,
И воздух гудит
под напором их яростных крыл.

Пролог

Ночь была.
Дома стояли хмуро.
И над горкой сваленных вещей
Одинок горбилась фигура
Человека в шляпе и плаще.

Ночь была.
Ещё был дождик редкий.
Сиротливо грудились у ног:
Чемоданчик, маленькая сетка,
Связка книг, какой-то узелок...

Ночь была.
Ещё был грохот грома
И догадка, вставшая ребром:
Человека выгнали из дома –
И сие не кончится добром.

Ночь была.
Потом была дорога
И ночной безрадостный вокзал...
Ни людей, ни дьявола, ни Бога
Человек потом не признавал.

...А пока – так буднично и просто
В глубине уснувшего двора
Догорал окуроч папиросы
Угольком бикфордова шнура.

В затрапезном
больничном халате,
Подпирая ограду спиной,
Я очнулся на Малом Арбате –
Невесёлый,
Тяжёлый,
Хмельной.

Как неведомый зверь из пучины,
Я возник порождением зла.

Видно, вескими были причины,
Видно, тёмными были дела,

Что стою, прислонившись
к ограде,
По-щенячьи неслышно скуля,
Не чего-то разумного ради,
А чего-то неясного «для».

Отчего же уютной больницы?
Оказались мне стены тесны?
Видно, стало недоброе снится,
Видно, вещими были те сны.

Что грозит мне
И что мне грозило?
Что мешает вернуться назад?
И какая враждебная сила
Зашвырнула меня на Арбат?

Видно, снилось мне
что-то такое,
До того был горячечным бред,
Что от сладкого сна и покоя
Я очнулся
И вышел на свет.

И стою, подпирая ограду,
Ни на что в этом мире не гожа...
– Так и надо тебе,
Так и надо!
Никогда снов своих не тревожь.

Опять не вовремя
И снова неважно,
Как будто бы погода
взбунтовалась,
Обрушившийся в марте
снегопад –
Такая вот
бесхитростная шалость
У Господа, у Бога моего
И вашего – ведь мы неразделимы,
Хоть вы навряд ли помните его –
Распятого,
Теснимого,
Гонимого...

Но вы, уже забывшие о нём,
Не думайте,
что он вас не осудит.
Ведь перед очищающим огнём
Предстанут не подобию, а люди.
Такие вот: с грехами и без них,
Родившиеся раньше или позже...
И то, что он отнимет у одних,
На блюдечке другому
не положит.